

Андрей Заостровцев

«Война с наркотиками» как провал государства (политико-экономический анализ)

Уважаемые дамы и господа, тема сегодняшнего доклада вам известна. Во многом он получился стихийным, спонтанным. Уважаемые социологи пригласили меня поучаствовать в сборнике, где специалисты, люди разных профессий, излагали свою точку зрения на проблему наркотиков. Так получилось, что этот сборник не вышел, говорят, что, преимущественно, из-за моей статьи. Приношу свои извинения. Если это так, то я готов ее оттуда изъять в любой момент. [*В настоящее время книга опубликована: Наркотизм, наркомании, наркополитика/Под ред. проф. А.Г.Софронова. – СПб.: Социологический институт РАН, Медицинский центр «Бехтерев», 2006. -552 с. – прим. ред.*]

В России такая проблема сегодня очень мало обсуждается. Среди экономистов я знаю двух человек, которые работают в этой области. Я работал несколько в другой области, этой проблемы не касался. Теперь я ею заинтересовался и решил представить современный взгляд экономистов на эту проблему, причем экономистов либерального направления. Основные дискуссии по этому вопросу, естественно, идут в Соединенных Штатах. И сегодня я постараюсь кое-что по этому вопросу сказать.

Экономистам известен так называемый «эффект кобры». Недавно вышла книжка либерального немецкого экономиста Хорста Зиберта, которая так и называется. В чем этот эффект состоит? Этот эффект носит характер исторического факта. Во время британского владычества в Индии однажды развелось очень много кобр. Естественно, британцы и их семьи от этого очень страдали. Колониальная администрация назначила выкуп за каждую голову. Результат оказался совершенно противоположным, чем тот, на который рассчитывали. Индусы стали разводить кобр и приносили все больше и больше голов. С тех пор такой результат, который можно характеризовать знаменитыми словами господина Черномырдина «хотели как лучше, а получилось как всегда», у экономистов называется «эффектом кобры». Этот «эффект кобры» многократно повторялся в самых различных областях. В качестве примера можно взять такую область, как лицензирование, когда хотят защитить потребителя, может быть, от недостаточно доступной информации, от недобросовестных поставщиков, а, на самом деле, создают монопольные цены, монопольную позицию фирмам, которые уже проникли в отрасль, обладают лицензией, снижают стимулы к инновациям и так далее и тому подобное. То есть лекарство оказывается хуже, чем болезнь.

Теперь давайте посмотрим на рынок наркотиков с экономической точки зрения. Я заранее извиняюсь перед экономистами, поскольку буду говорить об очень элементарных вещах, а потом уже перейду к более систематизированным фактам. Мы знаем, что в большинстве стран наркотики запрещены. Есть немного стран, где разрешены мягкие наркотики - это Нидерланды, отчасти Швейцария, какие-то сдвиги сейчас делаются в Великобритании. Чем, с точки зрения экономики, можно оправдать запрет? Запрет можно оправдать очень сильным негативным внешним эффектом, да и то в этом случае экономисты говорят не о необходимости полного запрета, а о каком-то балансе интересов.

Классическим примером является экология, загрязнение окружающей среды. Есть целый набор инструментов, типа оптимальных налогов, штрафов, которые сокращают производство, но не полностью его исключают, ибо полезность создаваемого продукта

тоже имеет место. Хотя производство этого продукта имеет побочным эффектом загрязнение окружающей среды. Если уж совсем перейти на язык экономистов, то в данном случае предельные внешние эффекты должны быть равны предельным внешним выгодам. Тогда создается оптимальность, как ее называют экономисты, или эффективность.

Давайте посмотрим на наркотики с точки зрения внешних эффектов. Такая точка зрения существует. Недавно вышла книга британской экономистки Дайаны Койл «Секс, наркотики и экономика», 2005 года издания, где она рассматривает эту проблему с точки зрения внешних эффектов. Там она предлагает (правда речь у нее идет о мягких наркотиках – это те, которые не вызывают фатального привыкания, - типа марихуаны) те же меры, что и на рынке алкоголя: высокие акцизные налоги, как-то компенсирующие негативные внешние эффекты. Но что, собственно, является негативным внешним эффектом? Негативные внешние эффекты возникают не из наркотиков, не из самого факта их потребления, физиологического или социального, а из самого факта запрета. Лев Тимофеев в своей знаменитой работе обосновывает это, ссылаясь на некоторых западных экономистов. Он пишет, что высокие цены на наркотики (а высокие цены обусловлены запретом - в данном случае, это страхование рисков) вынуждают наркомана сначала растратить весь свой доход, свое имущество, а потом пополнять его криминальными способами, нанося ущерб третьим сторонам. Этот факт обусловлен запретом, который порождает высокие цены.

Второе. Речь идет о другой стороне проблемы, с которой я дискутировать не берусь. Это утверждение о том, что наркотики рожают фатальную зависимость. В работе Льва Тимофеева речь идет о тяжелых наркотиках, когда человек не может выйти из этой зависимости. Известна статистика. Например, в Швейцарии 17% жителей пробовали наркотики, и лишь 2% принимали их в течение последнего года. Это значит, что большинство когда-то попробовали и бросили. То есть, можно выйти из этой зависимости – не столь это фатально. Хотя, и здесь я дискутировать не берусь, это больше медицинская проблема. Если это все же не фатальная зависимость, то не возникает и второго негативного эффекта – распространения наркомании чуть ли не на все общество, в результате чего все доходы как бы проваливаются в черную дыру наркомафии. Это только если признать, что фатальная зависимость существует и распространение наркомании на все общество чуть ли не неизбежно. Если этого нет, то такие аргументы не действуют. Диана Койл о тяжелых наркотиках почти не говорит, она предлагает в отношении мягких наркотиков такие же ограничительные меры, как и на рынке алкоголя.

Что еще можно считать внешними издержками, кроме преступности и неограниченного распространения потребления вне зависимости от собственной воли? Можно признать нагрузку на общественное здравоохранение. Легкие наркотики, может быть, тоже приносят вред здоровью: люди становятся более болезненными. Но это тоже внешний эффект, если мы признаем целесообразными общественные расходы на здравоохранение. Если наркоман лечится за свой счет не только от наркомании, но и от каких-то сопутствующих ей болезней, то тут никакого внешнего эффекта не возникает. Таким образом, внешний эффект здесь связан с «государством благосостояния», которое возникло во второй половине XIX века и сейчас Западная Европа никак не может выйти из этой институциональной ловушки. Туда попадает и Франция, и Германия все глубже туда сваливается.

Что касается тяжелых наркотиков. Это вопрос этики, так же как и признание эвтаназии. Не случайно Голландия, где легализованы наркотики, легализовала эвтаназию, то есть право человека выбирать между жизнью и смертью. Экономист, вообще говоря, должен признать этот свободный выбор, потому что экономист исходит из так называемого методологического индивидуализма. Если этот принцип сформулировать не столь мудреным образом, то это означает, что каждый человек - лучший судья самому себе, и никто не вправе ему ничего диктовать. Не все экономисты последнего времени и

XX века разделяют эту точку зрения. Существует концепция, выходящая за пределы внешних эффектов – это так называемая концепция достойных и недостойных благ. Merit goods vs public bads (один мой студент перевел это как «общественные бяки»). Эти английские термины плохо переводятся на русский язык. Тут вообще нет никакой экономической аргументации. Это вопрос для философов, может быть, в какой-то мере, социологов. Вопрос, несомненно, для дискуссии в рамках различных конфессиональных споров, но это не вопрос для экономиста, потому что признание каких-то благ достойными и требующими поощрения и недостойными, требующими их ограничения (если не полного запрета), не имеет для экономиста никаких оснований в экономической теории.

Это, конечно, часто пытаются связать с внешними эффектами, с теорией внешних эффектов - они возникают, когда сделка двух сторон наносит ущерб третьей стороне. Но здесь сама теория при внешних эффектах очень часто дает некие сбои, и либертарианские экономисты пытаются ее оспаривать во многих ее проявлениях. Потому что, например, в Иране женщина без паранджи – негативный внешний эффект, свинина – негативный внешний эффект. В Организации Объединенных Наций экономисты-представители мусульманских стран, когда разрабатывают систему национальных счетов, то есть учета валового внутреннего продукта, национального дохода, каждый раз поднимают вопрос о неучете в добавленной стоимости алкоголя, производства свинины и так далее.

Понятно, что когда речь идет об экологии, то тут возникают внешние эффекты. По крайней мере, за то, что это негативный внешний эффект, проголосовало бы, наверное, подавляющее большинство.

Мы никак не можем иначе принимать само определение внешнего эффекта. Есть один такой метод: либо избрать диктатора, либо поставить вопрос на голосование. Вообще, расширять это понятие не следует. Либертарианские экономисты связывают внешние эффекты с нераспределенностью прав собственности и, по возможности, предлагают даже с экологическими бедствиями бороться за счет распределения прав собственности. Если права собственности на воду и водные ресурсы распределены, то внешних эффектов для экономиста не возникает.

Вторая часть моего выступления касается довольно оригинальной концепции, которую я обнаружил, пока работал над этим материалом. Это концепция двух американских экономистов тоже либерального или либертарианского направления Толлисона и Андерсена, которые имеют свой оригинальный взгляд на государственный запрет наркотиков. Они его рассматривают как рекламу. Надо сказать, что не все экономисты с этим согласны. Знаменитый экономист, монетарист и нобелевский лауреат по экономике Милтон Фридман, которым в России пугают детей, последнее время занимается не денежными проблемами, а как раз проблемой запрета на наркотики. Он относится к категории экономистов-антипрогибиционистов, которые выступают против запрета наркотиков в силу своих либертарианских или либеральных убеждений, но эта сторона его деятельности малоизвестна. Его позиция состоит в том, что государственный запрет наркотиков создает монополии. Андерсон и Толлисон с ним спорят и говорят, что как раз государственный запрет на наркотики (примеры берутся, конечно, из Соединенных Штатов) рождает систему, очень близкую к свободной конкуренции.

Как они это аргументируют? В современном мире рынки вообще очень конкурентны, товарные - в том числе. Доминирует такая структура, которую экономисты «обозвали» не очень точно – монополистическая конкуренция. На самом деле, что это такое? Это такая структура, где существует множество (или много) конкурирующих фирм, но каждая выбирает свою марку и как-то за счет рекламы и репутации создает небольшую степень рыночной (или, как говорят экономисты, монопольной) власти на рынке. Например, кока-кола, пепси-кола, паста «Блендамед», «Колгейт» и так далее. На этот рынок трудно войти. Можно изобрести прекрасный газированный напиток, но пробиться сквозь кока-колу и пепси-колу невозможно. Ведь входные издержки

технически невысоки. А какие обстоятельства создают издержки для входа на этот рынок? Марки, бренды, устоявшиеся в течение десятилетий, а в случае с кока-колой – более ста лет.

На рынке наркотиков, в силу запрета, такого нет. Товар никто не рекламирует, не создаются бренды, не создаются репутации фирм. Это порождает систему, близкую к такой модели, которую экономисты называют идеальным, совершенным рынком или рынком совершенной конкуренции. Это признак, где товары, выходящие на рынок, не различаются по брендам.

Другой экономист этой школы, нобелевский лауреат по экономике Джеймс Бьюкенен выдвинул очень интересную концепцию. Он говорил, что если бы государство хотело бы сократить потребление наркотиков, ему надо было бы административно передать все производство и сбыт, например, героина, в руки одной фирмы, назвать ее «Мафия Инкорпорейтед», и тогда бы, как любая монополия, она сжала бы выпуск и повысила цены. Конечно, Андерсон и Толлисон видят тот факт, что цены на наркотики на рынке очень высоки по сравнению с их производственными и транзакционными издержками, но (это уже общее мнение экономистов) – это страховые издержки, связанные с нелегальным черным бизнесом. Входной барьер, связанный с рекламой и брендами, снимается, снимается входной барьер, связанный с дифференциацией продукции, и однородность наркотиков тоже приближает эту модель к модели совершенной конкуренции.

Что еще усиливает конкуренцию на рынке наркотиков? Нелегальность противодействует появлению на рынке крупных фирм, потому что прятаться легче. Если говорить научным языком, транзакционные издержки на нелегальном рынке у крупной фирмы значительно выше, чем у мелкой. Понятно, что чем крупнее фирма, тем легче ее детерминировать. Поэтому, даже если в этой отрасли действует эффект масштаба, то ему противодействует другой эффект – необходимость безопасности. Маленькие фирмы могут уйти, они не требуют больших или почти никаких инвестиций в основной капитал. Андерсон и Толлисон иронически замечают, что на рынке наркотиков «малое прекрасно». (А «малое прекрасно» - это такой популярный девиз в США, связанный с малым бизнесом.) То есть, они иронизируют и говорят, что вот уж действительно, где «малое прекрасно», так это на этом рынке.

Можно возразить и задать вопрос, а как же знаменитые картели – Медельинский картель, картель Карли и так далее. Проанализировав эти картели, экономисты заметили, что, на самом деле, картелями они не были по определению. Это были крупные вертикально интегрированные фирмы, но, во-первых, они не доходили до розничной продажи, и, во вторых, их не стало. В основном с ними удалось справиться. Причем, наверное, именно в силу того, что они были крупными и заметными структурами.

Что, с другой стороны, способствует большому размеру фирм на рынке наркотиков? Это поведение борющихся с ними бюрократических организаций. В Америке есть аналог нашего Госнаркоконтроля. Сейчас экономисты анализируют все человеческое поведение, не анализируют только движение звезд. В частности, есть экономическая теория бюрократии. В соответствии с ней бюрократическая организация стремится к саморасширению, к увеличению свободно распоряжаемого бюджета, то есть существованию части бюджета, которой она будет распоряжаться более свободно и так далее. Для этого ей нужен демонстрационный успех. А когда демонстрационный успех выше? Когда перехватывают крупную партию наркотиков, и об этом сообщают во всех СМИ. После этого можно демонстрировать это как успех, требовать дополнительного финансирования рабочих мест, расширения организации и тому подобного. Можно отловить больше наркотиков мелкими партиями, но этого никто не заметит. Ну а если гонятся за крупными партиями, то естественно, преследуют крупные фирмы, а мелкие остаются. Это еще один фактор, который способствует сравнительно небольшой концентрации на рынке наркотиков.

Андерсон и Толлисон анализируют статистику и показывают, что как только начинается кампания по борьбе с наркотиками и начинается рост расходов на поддержание организаций, которые с ними борются, то сразу же снижаются уличные цены. Потому что, прежде всего, развиваются близкие к монополиям крупные фирмы, и рынок работает как гораздо более конкурентный рынок. Так что «эффект кобры» как раз здесь тоже проявляется.

Они отмечают и другие эффекты, о которых говорили и другие экономисты, поэтому я не буду на них долго останавливаться. Понятно, что если полиция борется с наркотиками, то она не борется с прочими преступлениями. Кривая производственных возможностей, производственный потенциал полиции ограничен, если рассматривать ее как фирму. Если она борется с этим, то она не борется с чем-то другим. То есть если она борется с наркотиками, то растет преступность, которая является криминальным действием. Один американский юрист придумал термин «преступление без жертвы» - речь идет о торговле наркотиками. Но если полиция борется с этими преступлениями, она не борется в это время с другими, растет другая преступность. Это довольно тривиальное утверждение, а вот последнее утверждение этих экономистов мне особенно понравилось. Мало того, что государство выступает как организация на рынке наркотиков, оно еще выступает как рекламный агент. Почему? Они рассматривают эти кампании как агитацию и пропаганду. Ведь контрагитация – это тоже реклама. «Говорят, что там, на углу 60 и 62 улицы беспрепятственно торгуют наркотиками. Куда смотрит полиция?». Или: «Уже появился такой новый наркотик, с такими свойствами...», - и так далее. Здесь Андерсон и Толлисон говорят, что если наркологическим фирмам нужно огромные средства вложить в рекламу, то фирмы, торгующие наркотиками, получают рекламу бесплатно, за счет налогоплательщиков.

Еще один любопытный факт они замечают в связи с тем, что в американских школах ведется упорная антинаркотическая пропаганда. Они говорят, что это самая лучшая реклама, потому что такие сведения о наркотиках школьники либо вообще бы не получили, либо им пришлось бы затратить много времени и сил, чтобы их получить. Второе, о чем пишут Андерсон и Толлисон, это то, что по сведениям специалистов по маркетингу, подросток – самый склонный к риску индивид и, соответственно, потребитель. Они основные потребители малых байков, виндсерфингов и тому подобного. Поэтому, когда о чем-либо говорят, что это большой риск, то для подростков это часто является позитивной рекламой.

Авторы приходят к выводу, что война с наркотиками действует как торговая ассоциация для наркоотрасли, которая распространяет рекламу фирм-членов, с той разницей, что здесь война с наркотиками ведется государством.

Следующая часть моего сообщения называется «Война, которую нельзя выиграть». Американские экономисты и политологи рассматривают и внутренние проблемы, вытекающие из этой войны, и внешние проблемы для Соединенных Штатов. В частности, они сравнивают со знаменитым Запретом (запрет – с большой буквы) – с «сухим законом». Показывают, какие эффекты дал «сухой закон». Например, потребление крепких напитков выросло за годы Запрета с 0,3 галлона на душу населения до 1,86 галлона, то есть на 520%. Потребление вина – на 97%, пива – на 447%. В 20-ые годы на 470% увеличилось производство сахарной свеклы – понятно, что для самогона. Увеличилось количество смертей, вызванных некачественным алкоголем, и так далее и тому подобное. Эти и множество других цифр показывают, что Запрет полностью провалился и привел к тому же «эффекту кобры», то есть к совершенно противоположному результату.

Соответственно показывается, что к этому же результату приводит война с наркотиками, которая активно началась с 1971 года, когда был принят очень ужесточающий эту борьбу закон. Она уже ведется гораздо дольше, чем война с алкоголем

в 20-е годы, скоро ей будет уже 35 лет. Обратимся к цифрам. Федеральные расходы в США за десять лет Запрета («сухого закона») составили 982 млн. в долларах 2004 года – это то, что потребовалось на поддержание этого сухого закона. В настоящее время за год войны с наркотиками только на федеральном уровне тратится 19 млрд. долларов. По соответствующим обвинениям в федеральных тюрьмах содержится 60% заключенных, и в заключение по этим обвинениям с 1989 года попало больше людей, чем по обвинениям во всех насильственных преступлениях.

Дальше показывается, какие получаются результаты - совершенно обратные по отношению к декларируемым целям. Около половины выпускников школ 1995 года пробовали наркотики. Ежегодно с 1973 по 2003 год 82% старшеклассников в опросах отвечают, что найти марихуану очень легко или достаточно легко и так далее. Экономисты подчеркивают массу побочных негативных эффектов запрета легких наркотиков. Например, американские медицинские ассоциации подтверждают, что иногда марихуана обладает уникальными лечебными свойствами: она используется для борьбы с мигренями, как противорвотное для онкологических больных и так далее. Но существует запрет выписывать марихуану даже в медицинских целях, при том, что у нее нет совершенных заменителей. Скажем, в одном из опросов 70% специалистов-онкологов заявили, что они прописали бы марихуану больным в случае ее легализации. Британская Медицинская ассоциация тоже заявляет, что примерно такое же число ее членов (70%) считает, что в терапевтических целях необходимо сделать марихуану доступной. В результате, в США происходит конфликт между федерацией и штатами. В 1996 году Калифорния и Аризона приняли законы, в соответствии с которыми лицензированные доктора могут прописывать марихуану серьезно заболевшим пациентам. Возник конфликт между уровнями власти. Федеральный центр настаивает на соблюдении запретов, а штаты поддерживают разрешение использования марихуаны в медицинских целях. Из-за недопущения использования марихуаны в медицинских целях по приблизительным расчетам обследования 1995 года видно, что невылеченные болезни обходятся в США в 100 млрд. долларов потерянных зарплат и так далее.

Теперь о международных последствиях войны с наркотиками. Известно, что США – основной борец с наркотиками на международной арене. Существует так называемый план «Колумбия», на который США истратили за 4 года более 3 млрд. долларов. Эта борьба, особенно в Латинской Америке, имеет все тот же «эффект кобры», то есть обратный эффект. Как ведется борьба с наркотиками в Латинской Америке за счет американского налогоплательщика? Например, перепрофилизация. Латиноамериканским фермерам США дают субсидии, чтобы они сокращали посадки наркотиков, разводили кофе. Оказалось - за что бы ни взялось государство, оно все делает, мягко говоря, неуклюже. Кока – очень неприхотливое растение. Оно растет там, где другие растения не растут. То есть только примерно 5-10% процентов площадей, занятых плантациями коки, могут быть использованы в альтернативных целях - другие растения там просто не выживут. То есть латиноамериканским фермерам хватает и на перепрофилизацию и на дополнительное разведение коки.

Кроме того, приводятся любопытные факты. США пытались поощрять субсидированием сокращение посевных площадей. При этом американские экономисты высказывали удивление, потому что это традиционный метод повышения урожайности зерновых в Соединенных Штатах. Об этом, конечно, можно спорить, метод этот неэффективный. Но это один из методов – когда сокращаются площади, растет интенсивность сельскохозяйственного производства. Почему для наркотиков закономерность будет другая, чем для зерновых культур? Так же показано, что строительство инфраструктуры производится в тех районах, в тех административных единицах, которые охвачены программами по перепрофилированию. Строительство дорог так же способствует производству и транспортировке наркотиков, как и прочих других сельскохозяйственных продуктов. Замечается и такой факт, что отдельные успехи по

борьбе с наркотиками, например, в Перу и Боливии, приводят к тому, что в Латинской Америке наркотики распространяются на те страны, в которых раньше их производство было не очень развито, типа Венесуэлы, Бразилии и так далее. То есть сколько в одном месте убавилось, в другом столько же прибавилось. Это называется угроза «колумбизации» всей Латинской Америки.

Отмечаются и чисто политические негативные последствия. Естественно, что многие фермеры или крестьяне в Латинской Америке – это не очень богатые люди, для них выращивание наркотиков – это вопрос существования, выживания. Когда местные правительства, поощряемые Соединенными Штатами, ведут активную борьбу с наркотиками, они создают огромную социальную базу, которая очень недовольна этой политикой. А поскольку во многих странах Латинской Америки существуют партизанские, левые и многие другие движения, то создается огромная база для радикальных движений. К ним примыкают крестьяне. А, с другой стороны, различного рода повстанческие движения тоже включаются в эту транспортировку и таким образом зарабатывают деньги. Цены, конечно, высокие, и они успешно вписываются в этот нелегальный бизнес. Потом Соединенным Штатам приходится финансировать борьбу с этими партизанскими радикальными движениями, финансировать правительство. Получается эффект «снежного кома». Требуется все больше и больше средств.

Приводятся примеры и с Афганистаном, который поставляет на мировой рынок 75% опиума. Запреты и настаивание на том, чтобы правительство Карзая активизировало борьбу с посевами опиумного мака, фактически поощряет терроризм, поскольку создает для него массовую базу. В Афганистане крестьянину уж точно некуда податься, кроме как выращивать этот опиумный мак.

Еще очень важный факт. Террористические организации – это такие приспособленные для работы на нелегальном рынке фирмы. Они очень хорошо в него входят. У них есть естественные преимущества для вхождения на этот нелегальный рынок.

Таким образом, борьба с наркотиками препятствует борьбе с той международной опасностью для США, международным терроризмом, который реально существует. Скажем, либертарианцы, экономисты из института Катона предлагают следующие рецепты: прекратить войну, которую, как они пишут, нельзя выиграть, освободить экономику от запрета на наркотики и контролировать их реализацию хотя бы по схеме спиртных напитков и так далее. Они исходят из того, что рынок запретить нельзя, запрет рынка дает совершенно противоположный эффект, противоположный тому, ради чего вводился этот запрет.

Вопросы

Петр Мейлахс (Центр независимых социологических исследований):

У меня два комментария. Первый - по поводу того, что войну с наркотиками выиграть все-таки иногда можно. Приведу пример с Китаем. В начале 50-х годов, когда правительство столкнулось с практически повальным курением опиума. Им это удалось значительно сократить, однако средствами, использующимися в борьбе, были арест по подозрению, массовые публичные казни и ресоциализация всех потребителей наркотиков в трудовых лагерях, являвшихся по сути концентрационными. То есть войну, в принципе, выиграть можно, однако издержки для гражданского общества будут совершенно невыносимы. Поэтому в Америке не удалось выиграть эту войну – иначе пришлось бы для этого ликвидировать институты гражданского общества. Однако, принципиально возможность все-таки существует, только ее цена будет достаточно высока.

Второй комментарий. Вы упомянули, что большие наркокартели в принципе не могут устойчиво функционировать на рынке наркотиков. Одно из направлений критики со стороны либералов в области наркополитики – это то, что госорганы арестовывают в

основном мелких наркоторговцев, потребителей, а ни одного суда над наркобаронами за всю историю так и не было. В связи с этим мне приходит в голову мысль: а есть ли вообще эти наркобароны? Может быть, их вообще не существует? Просто есть какие-то мелкие, извилистые сети. И попытка объявить, что наркобаронов не ловят, означает, что их просто нет.

Андрей Заостровцев:

Вторая часть Вашего выступления звучала как вопрос. Я на него и отвечаю. Крупные фирмы, как мы видели, образуются в достаточно коррумпированном обществе, например, в таком как Колумбия, когда они спаяны с государственными чиновниками. Там они были не очень устойчивыми. Естественно, что в Соединенных Штатах крупные фирмы вряд ли могут длительное время существовать. Что касается борьбы с мелкими потребителями, продавцами (хотя часто и потребителей выдают за продавцов, когда нужна отчетность), то речь может идти о разных странах, социумах с разной степенью коррумпированности власти. В Соединенных Штатах выгоднее обращать внимание на крупные партии, поскольку это реклама для соответствующих органов, ведущих борьбу с наркотиками. А это расширяет бюджет. Конечно, в тех странах, где сравнительно крупные поставщики наркотиков практически соединены с государственными органами, часто с теми, которые по своей функции призваны бороться с ними, тут для отчетности нужна массовость и здесь выгодно больше захватывать в сеть мелкой рыбешки.

В Соединенных Штатах тоже есть свои проблемы с отчетностью полиции. Недавно я был на конференции, где речь шла о том, как оценивать результаты работы полиции. У них была примерно такая же картина, когда стали оценивать за какие-то периоды, по каким-то количественным показателям, они стали хватать любого мелкого нарушителя дорожных правил и так далее. Особенно это было распространено в конце месяца, как у нас, и так далее и тому подобное. Эти бюрократические организации будут работать всегда одинаково. Поэтому разница доминирования крупных и мелких фирм во многом связана со степенью коррумпированности власти.

Алексей Сырцев (психолог):

Очень интересный факт по поводу баронов. Мне кажется, что здесь процессы схожи с теми процессами, которые происходят в экономике вообще. Один бренд, одна марка правит в разных секторах экономики. То же самое происходит на рынке наркотиков, та же экономическая ситуация. У меня вопрос. Дан ли был прогноз авторами исследования, и в какой мере учитывались иррациональные особенности этого экономического явления?

Андрей Заостровцев

Экономисты сказали бы, что это методологический вопрос. Они исходят из того, что человек, в том числе и потребляющий наркотики, алкоголь и прочее, ведет себя рационально, это его выбор. Он предпочитает прирост удовольствия... Точнее он прирост удовольствия оценивает выше, чем, допустим, сокращение жизни. Рисуетя так называемая математическая «кривая безразличия», на одной оси откладываются годы жизни, на другой – удовольствие от алкоголя, наркотиков и так далее. Это обмен «внутри». Так же как человек выбирает между трудом и досугом. Работать 16 часов, а 8 отдыхать, или работать 4 часа, а 20 отдыхать. По той же модели анализируется потребление алкоголя, наркотиков и так далее, других public bads.

Прогноз не был дан, они анализируют «задним числом». Они показывают, что за годы запрета не было какого-то не только сокращения, но и наблюдалось расширение. Более или менее, те цифры, которые они приводили с американскими школьниками (как я

называл – с 1973 по 1993 год), показывают, что положение остается примерно стабильным. Количество потребителей почти не меняется.

- Вне зависимости от противодействия?

- Исследовали активность противодействия и исследовали цены, а распространение исследовать очень сложно, потому что там может быть лаговый эффект: с опережением. Цены быстрее реагируют. Единственная закономерность, которая была установлена довольно твердо, состоит в том, что усиление кампании по борьбе с наркотиками ведет к снижению уличных цен на рынке наркотиков.

Отмечалась еще такая особенность, что если появляется крупная фирма, завозит крупную партию, она не сразу выбрасывает эту партию на рынок – это может сбить цены. Она где-то эту партию держит, чтобы монополизировать рынок и продавать по более высоким ценам мелким розничным торговцам. А когда борьба с наркотиками усиливается, эта где-то складированная партия раскрывается, то цены даже несколько падают.

Дмитрий Травин (еженедельник «Дело»):

Когда я слушал об этой дискуссии Милтона Фридмана и Андерсена с Толлинсоном, то, как человек ничего об этом не знающий, сразу родил свою собственную теорию. Она состоит в том, что по идее на этом рынке должна быть не монополия, не монополистическая конкуренция, а олигополия, с большим количеством дилеров и поставщиков у каждого олигополиста. Почему? Есть знаменитый постулат Коунса, что крупная фирма, крупная бюрократическая структура возникает тогда, когда издержки на ведение переговоров и контакты большие. В этом случае проще создать бюрократическую структуру. Если проще вести переговоры, то может существовать малая фирма, которая в каждом случае может заключать агентские и контрагентские соглашения.

Что мы имеем на рынке наркотиков? На рынке наркотиков мы имеем сплошную неопределенность и страшный риск. Каждые переговоры – это страшное дело, потому что одной рукой надо давать наркотики, а другой хватать деньги, глядя по сторонам, нет ли рядом полицейского. То есть предположение о том, что на таком рынке может существовать идеальная конкуренция небольших независимых фирм, полностью противоречит постулату Коунса. Мне кажется, что это немыслимо. И если нам об этом говорят полицейские, то, скорей всего, это иллюзия, которую они пытаются создать при отсутствии достоверной статистики, поскольку экономисты ничего проверить не могут помимо полицейских. Они нам говорят что угодно, потому что у них есть свои цели, не совпадающие с целями экономистов, наркологов, социологов и так далее.

То есть, я так понимаю, что на одном конце есть большое количество колумбийских или афганских крестьян. Там мелкий бизнес. На другом конце – большое количество мелких дилеров, которые работают в Нью-Йорке, в Москве, в Берлине и так далее. Между ними – узкое место: транспортировка, перевозка через границу, все это очень рискованные вещи, которые на свой страх и риск делать очень трудно. Существует также заключение партнерских контрактов, скупка у крестьян. В этом месте должно появиться какое-то количество крупных фирм. Понятно, что это не «Форд» и не «Мерседес». Это другие масштабы. (Даже не «Энрон», хотя со статистикой у них должно быть примерно так же...) Но они должны быть достаточно крупными, и формировать что-то вроде олигополистической структуры.

Теоретически я даже представляю, что это может быть. Иногда даже в голливудских фильмах показывают, как, допустим, ямайская мафия сошлась с китайскими «триадами», и они «мочат» друг друга. Может быть, это выдуманные ситуации, но теоретически, как я понимаю, наверное это основано на фактах. То есть существует

несколько мафиозных группировок, у каждой свои олигополисты, у которых свои контакты с крестьянами и свои контакты с дилерами. Вот такую теорию я развил.

Заостровцев:

Хорошая теория. Комментарий может быть такой. Я уже упоминал разные страны, с разными политическими режимами, с разной степенью коррупции. Я согласен с тем, что, скажем, скупщик в той же Латинской Америке или где-то в Афганистане – это сравнительно крупная для этого рынка торговая фирма. Дальше, на мой взгляд, вертикальная интеграция не идет, они отдают свои партии более мелким фирмам, и те их распространяют по еще более мелким розничным торговцам. Надо вспомнить такой интересный факт, что сетевой маркетинг - в учебниках по маркетингу очень рекламирующийся сегодня метод - был изобретен как раз в наркобизнесе, это его новация.

На стадиях скупки в развивающихся коррумпированных странах возможно возникновение крупных структур (концерн Кари, Медельинский и прочие). Часто они связаны с какими-то крупными криминальными объединениями, либо, если говорить о Ближнем Востоке, там крупные террористические организации очень хорошо это используют.

Приводилась цифра по Латинской Америке, где левые повстанцы-партизаны зарабатывают до 100-150 млн. долларов в год на торговле наркотиками. Такие организации можно рассматривать как крупные фирмы в этой отрасли.

Это можно сравнить с фармакологией. Но там часто укрупняет фирмы государственное регулирование, которое имеет зачастую негативные последствия для выхода на рынок, получения лицензий на новые лекарства – этот процесс занимает до 10 лет. То есть там требуется некая концентрация. А в наркобизнесе лицензий пока не требуется.

Борис Максимов (СИ РАН):

По поводу контроля по типу контроля за алкоголем. Те, кто это предлагает, видимо считают, что контроль за алкоголем эффективен. Какой-то подобный опыт контроля за потреблением наркотиков существует или это все чисто умозрительные схемы? Второй вопрос. Наверное, Вы говорите о сугубо экономических эффектах, в которых сокращение собственно числа наркоманов фигурирует далеко не в первых эффектах. Главным является соотношение прибыли и расходов. Так ли это?

Заостровцев:

Я вынужден вернуться к вопросу о внешних эффектах. Что подразумевается под внешним эффектом? Внешний эффект – это когда взаимовыгодная сделка двух сторон наносит ущерб третьей стороне. Предположим, химзавод производит мыло, потребитель с удовольствием потребляет это мыло. Обе стороны, и производитель, и покупатель выигрывают, но страдают дачники, чьи дачи расположены рядом с мыловаренным заводом. Так же и здесь. Экономисты рассматривают любой вред самому себе как отсутствие внешнего эффекта, если это сознательный выбор, если человек был информирован. Человек вправе выбирать любые, в том числе и физиологически вредные для себя блага.

Для врача эти блага всегда останутся вредными с точки зрения физиологии. Экономисты все блага, в том числе и алкоголь, табак, наркотики так и называют. У них есть термин «благо», благо – это то, что положительно для себя оценивает потребитель. Важно, чтобы были соблюдены условия, чтобы потребление не наносило ущерб третьим сторонам. Возникает ущерб из-за запрета, когда цена высока и ради очередной дозы наркоману надо идти на насильственные преступления. Это внешний эффект, но он возникает не из-за самого факта потребления наркотика, а из-за его запрета, как следствие этого запрета. Поэтому здесь экономисты не могут, в принципе, не изменив своей науке,

своему первому постулату, что сам человек лучший себе судья, рассматривать это как негативное явление. Еще важно, чтобы потребитель имел полную информацию о последствиях своих поступков. Например, в США алкоголь не продадут десятилетнему, только с 21 года алкоголь продается.

Максимов:

Эта форма контроля за алкоголем считается эффективной?

Заостровцев:

Что считать критерием эффективности? Эта форма считается эффективной, потому что, если бы алкоголь был полностью запрещен, то цена на черном рынке была бы ценой риска нелегального рынка, и алкоголик не шел бы ночью в магазин, который работает 24 часа. Алкоголик шел бы на насильственное преступление. 100-200 рублей на бутылку водки он и так найдет, а если бы бутылка стоила 1000 рублей, алкоголик пошел бы на преступление. Это один из негативных внешних эффектов, которые породил бы запрет.

Андрей Алексеев (СИ РАН):

У меня два вопроса. Существуют две стратегии: легализация либо запрет. В какую сторону все же движется глобальный процесс. Понимаю, в разных странах по-разному, но как бы Вы оценили в целом, скажем, в последние десять лет, все движется в сторону легализации или в сторону запрета?

Заостровцев:

Все зависит от того, какой период мы будем рассматривать. До 1912 года в США абсолютно все было легально, и никакого запрета ни на какие наркотики не существовало. Первые запреты, можно сказать несерьезные, по сравнению с сегодняшними, появились в 1912 году. Дальше шло ожесточение, связанное с движением хиппи в 60-е годы, которое привело к довольно массовому культу наркотиков в этой андеграундовой культуре. Общество отреагировало ужесточением, и вообще все в мире шло к ужесточению.

Но последние 30 лет показали, что запрет на наркотики, как и Запрет – сухой закон в США, не приводит к тем последствиям, на которые рассчитывали. В США сейчас очень строгое законодательство, запрещающее наркотики, а в других странах появляется небольшая тенденция к легализации. Это Голландия, отчасти Цюрих – Швейцария с их знаменитым экспериментом по легализации, и с 2002 года некоторое послабление сделано в Великобритании – там в этом направлении делаются первые маленькие шажки. Но в целом, общая тенденция не то что не переломлена, она дошла до своего пика к концу прошлого XX века. Результатов в плане эффективного сокращения потребления или чего-то подобного она не принесла, принесла много негативных внешних эффектов, иногда неожиданных, «эффектов кобры», о которых я уже здесь говорил. Поэтому сейчас этот вопрос обсуждается.

Алексеев:

То, что запрет неэффективен, в этом мы все больше и больше убеждаемся, и это становится общим местом. Существуют ли какие-то эмпирические свидетельства того, что легализация эффективна? Как обстоит дело с этими экспериментами в Голландии, Дании и так далее?

Заостровцев:

Есть некоторые данные. Опросы показали, что в Нидерландах распространение наркотиков среди школьников ниже, чем в Соединенных Штатах. И это при том, что в Нидерландах доступ к наркотикам можно получить достаточно свободно. Вы же понимаете, что представительные исследования в этой области очень затруднены.

Респонденты не всегда стремятся к откровенности. Вот данные. В Нидерландах примерно 0,5% учащихся старших классов ежедневно потребляют наркотики. В США – 6,3%.

Дмитрий Травин:

А есть ли у Вас данные для сравнения с Англией, с Бельгией. Ведь в Америке публика другая.

Мария Мацкевич (СИ РАН):

Такие данные, конечно, есть. Голландия находится примерно на средневропейском уровне. Скажем, в Англии уровень выше, а в Америке выше, чем где бы то ни было. Среднеевропейский уровень – это 20-25% пробовавших наркотики от общего числа старшеклассников, а в Америке – более 50%. В различные годы, конечно, по-разному. В Великобритании более 40%, Дания тоже на достаточно высоком уровне – средневропейском. Зато есть Финляндия и Швеция, где этот показатель в районе 10%.

Петр Мейлахс:

Небольшое дополнение к этому вопросу. У меня есть данные, что в Голландии до легализации легких наркотиков в начале 70-х годов, сами голландцы их потребляли заметно больше, чем после того как их легализовали. Никто не связывает это с самой легализацией, а скорее, с тем, что культ хиппи, возникший во времена подъема неолиберализма в конце 70-х, прошел, и потребление наркотиков сократилось. То есть до легализации наркотиков в Голландии курили марихуану больше, чем после, хотя вряд ли это можно объяснить эффектом легализации.

Алексей Сырцев:

На мой взгляд «эффект кобры» мог бы быть преодолен двумя путями: либо перестать убивать кобр, либо убить кобр вместе с индусами. Как англичане обошли эти затруднения? Это первый вопрос.

И второй вопрос. В экономическом анализе существуют такие факторы, как коррупция, влияющие на состояние и развитие экономических отношений. То есть, какова включенность в экономические отношения всех тех, кто борется с распространением наркотиков?

Заостровцев:

К сожалению, Хорст Зиберт в своей книге дальше не пишет о том, как поступили англичане, я думаю, что они просто перестали платить, и все стабилизировалось на каком-то уровне – вернулось на круги своя. А что касается второй проблемы, я старался ее здесь касаться. К сожалению, я специально не рассматривал в данной работе аспект «коррупция и наркотики». Но я, отвечая на вопросы, говорил, что если речь шла о крупных и мелких фирмах, то чем выше коррупция, тем крупнее фирма, занятая наркобизнесом. Это происходит хотя бы даже по той причине, что государственные организации, если они настолько коррумпированы и вовлечены в криминальную деятельность, просто становятся организациями, которые поставляют и распространяют наркотики.

Не знаю, занимается ли этим Госнаркконтроль... Но там занято 35 тысяч человек – это в два раза больше, чем было занято в лучшие годы на Кировском заводе – судите сами, крупная фирма или нет. Хотя она территориально диффузная. Но когда государственные фирмы в условиях коррумпированности связью с нелегальным бизнесом вовлекаются в этот бизнес, естественно, тогда фирмы укрупняются. Однако специально этот аспект я в своей работе не рассматривал.

Сырцев:

Формируя выбор предложений по легализации, учитывали ли они, проводя аналогии с экономическими отношениями, уровень коррупции?

Заостровцев:

Легализация многими отстается потому, что она уберет внешние негативные эффекты, даже не стоит вопрос, снизится ли потребление или слегка увеличится, речь идет о целой серии негативных сторонних эффектов.

А что касается коррупции, то, естественно, чем меньше нелегальных рынков, тем меньше коррупция, но с одним исключением: в России это не действует. В России коррупция имеет совершенно особый характер, это можно рассматривать на особом семинаре – коррупция как вымогательство. Она существует и для любого легального бизнеса. Скажем, если в мало- или средне-коррупцированных странах коррупция охватывает, в основном, нелегальный бизнес (раз ты занимаешься незаконной деятельностью, то с тебя можно взять какие-то деньги), то в странах насквозь коррупцированных коррупция становится системой сетевого вымогательства со стороны государственных органов (Россия, Нигерия, отчасти Колумбия и некоторые страны «черной» Африки). Даже если будут легальные продавцы наркотиков, государственный рэкет будет также брать свою дань, как берет с легальных продавцов пепси-колы, пива, коньяка, мягких игрушек и так далее.

Наталья Бурова (Университет экономики и финансов):

Мы все знаем о неэффективности запретов, мы жили в эпоху антиалкогольной кампании начала 90-х годов. Следуя рекомендациям последней версии системы счетов 93-го года, такие виды нелегальной деятельности, как производство наркотиков, проституция, контрабанда целесообразны, и рекомендуется учитывать в составе ВВП. Принимая во внимание дискуссию последних лет о целесообразности и необходимости легализации проституции, поскольку проституция – такая же «услуга», как и другие, это «благо» и так далее, мне хотелось бы знать Ваше личное мнение. Вы являетесь сторонником легализации хотя бы легких наркотиков? Может быть, все-таки Россия – это особый случай? У нас все в мегамасштабы переходит? Считаете ли Вы, что это «услуга» и соответственно, возможно ее включение в состав ВВП?

Заостровцев:

Когда была поставлена задача удвоения ВВП, я как раз здесь выступал на семинаре. Мне был задан вопрос: «Как Вы рассматриваете возможность удвоения ВВП?». Во-первых, задача была поставлена очень нечетко. Не был указан базовый год, поэтому непонятно было, за какой период его нужно удвоить. До этого там фигурировала Португалия и так далее.

В данной работе я использовал чисто теоретический подход, эту работу надо было очень быстро написать. У меня нет цифр по России, поэтому я не могу сказать, на сколько увеличится ВВП после легализации наркотиков. Те цифры по теневой экономике, которые встречаются в Госкомстате, - 20% ВВП. Отдельные исследовательские центры дают и цифру 40% ВВП, максимально – чуть за 40% ВВП. Естественно, что ВВП возрастет, но я не могу сказать даже приблизительно, какой именно вклад может внести в российский ВВП именно легализация наркотиков. Но если брать более широкий спектр тех видов «услуг», которые сейчас являются формально запрещенными, то, наверное, ВВП возрастет на 10-12%. С учетом устранения побочных негативных эффектов, рост в будущем будет больше. Есть очень много факторов, влияющих на экономический рост: как себя поведет цена на нефть, какой будет бизнес-климат в стране и тому подобное. Можно легализовать наркотики, но если будет такая степень вымогательства со

стороны государственного рэкета, то эта сфера будет себя не очень хорошо чувствовать, как и все сферы нашего бизнеса.

А в целом моя точка зрения (только не рассматривайте ее как агитацию за наркотики, потому что по административному кодексу положен штраф во сколько-то МРОТ) – я, конечно же, за легализацию того, что называется *victimless crimes* – преступление без жертвы. Вы упомянули, что в мире идет дискуссия, и вряд ли иранские статистики согласятся с Вашей точкой зрения. Это уже этический взгляд. Из области математики мы попадаем в область этики и религиозных концепций.

Буров:

[*неразборчиво*] ... Мы знаем, что по Петербургу теневой сектор ВВП составлял 70%, в Калининграде – 90% ВРП. Можно ли доверять ВВП в такой ситуации, когда 70% - в тени, а все рассчитывается по отношению к ВВП?

Заостровцев:

Тут у меня есть некоторые если не возражения, то сомнения. Сотрудничая с газетой «Дело» мне пришлось писать статью по знаменитому докладу Центра Сатарова по коррупции. Я решил сравнить его данные по официальному ВВП с суммой взяток. Она оказалась даже больше, чем наш официальный ВВП. Я был единственным, кто высказал скептические взгляды по этому докладу. Он учитывает, используя двойной или тройной счет. В советском Уголовном кодексе была такая статья - «Посредничество при передаче взяток». Например, есть строительная компания, которой нужен участок для строительства. Есть специальные фирмы, которые занимают эти участки. Они являются посредниками между строительной фирмой и чиновником, а потом передают участок той фирме, которая будет заниматься строительством. Если социолог приходит к этой фирме, которая дает взятку миллион долларов за земельный участок, и спрашивает: «Сколько вы дали посреднику?» - «Миллион». Потом приходит к посреднику и спрашивает: «Сколько вы дали чиновнику?» - «Миллион». Таким образом, сумма «миллион» фигурирует уже два раза. А если эту цепочку немного продлить, то там будет и три миллиона, и больше. Естественно, там большой рост коррупции: в два, три раза – вполне вероятно, может быть и больше - в силу изменившихся социально-политических условий и большей вольности бюрократии за последние годы. Но когда в тринадцать раз, как у Сатарова, то это уже вызывает некие сомнения.

Скорее всего, эти цепочки коррупции дают двойной-тройной счет, а социолог приходит к каждому, и каждый говорит про ту взятку, которую он передал другому. Если мы будем передавать по кругу сто рублей, бумажка будет одна, а каждый из нас скажет, что дал следующему сто рублей.

Бурова:

Существует методика, препятствующая двойному и тройному счету.

Заостровцев:

Но Сатаров-то... Не хочу обидеть социологов, но у них...

Бурова:

Понятно, у Вас к нему критическое отношение...

Заостровцев:

Здесь речь идет не о Сатарове, а о более интересных вещах – о методологии. Часто, когда идет опрос по поводу коррупции, возникает двойной или тройной счет. Просто его действительно трудно учесть.

Сырцев:

Насколько правомерно рассматривать наркотики, как предмет экономического анализа, такой же как напитки, алкоголь и прочее?

Заостровцев:

Как особый товар, естественно. Предметом экономического анализа является человеческое поведение в любой сфере, если анализирующий базируется на принципе, называемом этим страшным словом методологический индивидуализм. А методологический индивидуализм означает определенный взгляд на человека как на рационального эгоистического максимизатора собственной полезности в условиях ограниченности ресурсов. Гарри Беккер получил нобелевскую премию (у меня студентки очень любят для курсовиков и докладов хватать эту статью под названием «Поиск партнеров на брачных рынках»), где он это рассмотрел как рыночное поведение. Сейчас экономисты занимаются невероятными вещами, совершенно не относящимися к традиционным сферам анализа.

Сырцев:

Мы могли бы рассматривать эти «услуги» метафизически, можно было бы приложить к этой сфере и философский анализ. Почему бы нет? Но каковы выводы?.. [неразборчиво]

Травин:

Выводы из любого анализа делаются разные. Социалисты скажут, что ничего продавать нельзя, а капиталисты скажут, что все можно продавать.

Заостровцев:

Когда делаются выводы из экономического анализа рынка наркотиков, то плюсы легализации рассматриваются опять же с точки зрения снижения этих внешних эффектов. Не самого рынка наркотиков, не здоровья наркомана (хотя этого она тоже касается, потому что легальный рынок наркотиков – это более чистые наркотики), но убирается масса негативных эффектов, которые касаются запрета и распространяются на третьи лица, которые никакого отношения к наркотикам не имеют.

Например, та же перегрузка полицейской системы, которая не работает по другим преступлениям, потому что ресурс ограничен. Или - налогоплательщики оплачивают тюрьмы, а в США содержание одного заключенного довольно дорого, в отличие от России. Если 60% – мелкие торговцы, то пенитенциарная система наполовину разгружается, снимается избыточная нагрузка на налогоплательщика и так далее. Эту цепочку можно продолжать, у меня не было задачи систематизировать все внешние эффекты, как в свое время это пытался сделать в своей статье Милтон Фридман.

Владимир Теплицкий (Фонд «За здоровое будущее»):

Можно узнать, есть ли связь уровня авторитетности и финансирования силовых структур, которые противодействуют наркобизнесу, с таким показателем, как количество наркоманов в стране?

Второй вопрос. Нет ли какой-то связи между внутренней политической ситуацией в стране и активизацией борьбы с наркотиками. Например, был такой кризис в Соединенных Штатах - началась война в Югославии.

Заостровцев:

Естественно, такая связь везде есть, правда она проявляется в различных формах. Скажем, в Соединенных Штатах ведомство по борьбе с наркотиками, у них это называется Федеральная служба (Federal Drug Agency), часто подвергается критике, но

выводы, которые делаются из этого – надо усилить эту службу. Ответственные чиновники в этой службе (по-нашему – «силовики») говорят: нам нужны такие-то силы, такие-то средства и так далее. Бюрократические структуры ведут себя очень схожим образом. Часто провалы в этой борьбе с наркотиками служат как бы аргументом в пользу усиления, повышения эффективности службы, повышения ее бюджета и так далее. Это довольно типичное поведение любой бюрократической организации.

Что касается связи с политической ситуацией, все, конечно же, здесь связано, и время от времени возможны какие-то кампании, которые носят чисто демонстрационный, политический характер. В конце концов, это просто популярно у избирателей. Многие люди считают, что запрет приводит к тем результатам, ради которых он вводится, что если снять запрет, то настанет что-то страшное для всех людей и все от бабушек до детсадовцев станут наркоманами. Это очень выигрышная тема на выборах. Так что, конечно, в обществе все используется, в том числе и борьба с наркотиками в самых разных ситуациях, направлениях и так далее. Тут надо рассматривать страну конкретно. Везде есть своя специфика.

Борис Винер (СИ РАН):

В связи с Вашей последней репликой. В Соединенных Штатах вышел цикл, связанный со строительством тюрем. Тюрьмы гораздо выгоднее строить, чем школы. Компании, которые занимаются строительством тюрем, как раз и лоббируют утрашение и меры, направленные на то, чтобы увеличивать сроки тюремного заключения. Пытались ли у Вас кто-то выделить эффект таких лоббистов?

Заостровцев:

Непосредственно вопросом о лоббистах я не занимался, но Ваше предположение тоже вполне может быть обоснованно. В США популярна такая мера, которую экономисты называют франчайзинг, или подряд: сдача тюрьмы в ведение частной фирмы, так же как водопровод сдают частной фирме в эксплуатацию. Тюрьмы сдаются частным фирмам в эксплуатацию, потому что у частных конкурирующих фирм меньше издержки. У них есть тендер, кто возьмет эту тюрьму в эксплуатацию. Я не думаю, что они уж такие сильные лоббисты на этом рынке. Скорее всего, сильное влияние у самих бюрократических структур. Нужно смотреть в зависимости от ситуации, от страны, кому это выгодно, кроме тех, кого мы называли, кому это очевидно выгодно. По всей видимости, может быть, некоторые фармакологические фирмы тоже здесь играют не последнюю роль, поскольку они выпускают несовершенные заменители, то они пользуются спросом. Если бы некоторые наркотические вещества как лекарства были бы легализованы, то их бы несовершенные заменители, в разработку которых фирмы вложили большие средства, пользовались бы меньшим спросом.

Выступления

Галина Саганенко (СИ РАН):

Очень важная деталь: я председатель общества «Матери против наркотиков», рядом со мной сидит организатор этого общества. Поэтому у нас очень аккуратное отношение к этим вопросам. Что здесь прозвучало? В свое время все мы работали в ИСЭПе [*Институт социально-экономических проблем АН СССР – ред.*], и у нас был колоссальный математический отдел. Они участвовали в расчете дамбы. Когда они нам заявляли: «Да вы что, мы 18 или 50 параметров снимали на заливе, чтобы обосновать дамбу», - и они считали, что это классно и много, - то я им говорила: «А мы у Ядова тысячу параметров сняли и применили все методы». Поэтому, идея чистого

доказательства, тем более с теми признаками, с которыми мы имеем дело – это особая вещь. В частности, по дамбе они до сих пор не разобрались - это нагонная волна или запорная волна. А дамба должна действовать при наводнении.

Второе. Да, факты могут быть такого типа, как сообщил Петя [Мейлахс- ред.]. Упало потребление наркотиков, но пришла другая эпоха. К чему мы припишем это? К легализации? Что легализация резко снизила наркоманию. Просто пришла другая эпоха. Ушла эпоха хиппи. Я знаю очень много фактов о том, что все-таки голландцы пожинают негативные плоды либерализации и как-то отыгрывают эти факты. Еще очень важный момент, который прозвучал в информации у Маши. 10% - самый низкий процент приобщенности к наркотикам в северных странах. Они все насмерть стоят против легализации. Мы сейчас работаем со Швецией, с Финляндией. Они против легализации наркотиков.

Следующий момент. Преступность без жертв. Я знаю этот тезис. Но все забывают о том, что любую цифру надо увеличить на размер семьи, потому что семья всегда становится жертвой. Особенно это проявляется в семье, где не какой-то слабо потребляющий то ли сигареты, то ли марихуану, а человек, «улетевший» в наркотики, причем очень круто. Если еще учесть, что наркомания жутко молодеет, то если девятидесятилетнему что-то инкриминировать или читать лекции, как тут у вас есть предложение, то надо проинформировать, чтобы они знали, на какую глупость они идут.

О наркобизнесе. Я считаю, что нельзя анализировать наркобизнес просто как наркобизнес вообще. С моей точки зрения существует как минимум семь наркобизнесов. Первый наркобизнес без кавычек. Это тот, о котором Вы говорили, то есть там извлекается прибыль из наркотиков, невзирая ни на что. К нему у меня нет претензий, он таким и должен быть. Другие виды деятельности тоже имеют все элементы наркобизнеса. Один из них – лечение. Я не говорю, что все это тотально. Но очень хорошо лечить наркоманов, они часто и подолгу лечатся, мамы у них «никакие», они готовы платить огромные деньги и так далее. Доказать, что за пять тысяч долларов можно вылечить наркомана иногда не трудно, некоторые мамы в это верят.

Самый «классный», с моей точки зрения, наркобизнес – это профилактика наркомании. Ну такие средства заруливаются в этот наркобизнес! Там уже ничего не должно быть. Извините, но это как в бане писать – ничего не должно оставаться. Выгнали людей на площадь – это называется профилактика, еще что-то сделали – это называется профилактика. Здесь не нужны ни формуляры, ни койки – ну ничего не нужно. Это профилактика.

Четвертый наркобизнес, а по сути второй – это правоохранительная система. Там, где идет борьба, там и есть самый настоящий наркобизнес. Огромное количество ресурсов – как Вы говорили, 35 тысяч – это оттягивание средств.

С моей точки зрения, наркобизнесом немного грешат СМИ, потому что для них это заказ и «жареная» тема. Не знаю, наркобизнес ли это, но все равно оттягивание общественного внимания, общественных ресурсов на себя происходит.

Шестой наркобизнес – это, конечно, политики. Нет ни одного политика, который бы не боролся с наркоманией. Все они собирались ее искоренить и обещали сделать это очень быстро. И мы, исследователи, тоже участвуем в наркобизнесе, потому что я получаю гранты на это дело. А самый главный для меня пример – это Национальный институт наркотиков в Америке. Когда я брала их данные, я поняла, что там и 50 и больше процентов школьников будет колотиться, потому что чем больше школьников употребляет наркотики, тем больше средств заруливается в этот институт. Я могу сказать, что изучать, сколько школьников употребляет наркотики, можно совершенно разными способами. По одним данным у вас будет зашкаливать этот процент, который выступает как существенный аргумент для перетягивания общественных ресурсов. Эти вещи надо иметь в виду и, анализируя деятельность, связанную с наркотиками, учитывать, что все эти наркобизнесы и «наркобизнесы» существуют.

Андрей Алексеев:

Отвечая на мой вопрос, докладчик сказал, что с начала прошлого века идет прогрессирующее ужесточение законодательства. Вместе с тем идет прогрессирующее потребление наркотиков. Умозрительно запрет наркотиков себя действительно скомпрометировал. Аргументы убогие. Чего же не хватает? Не хватает истолкования существующих государственных или региональных экспериментов борьбы с наркотиками, как доказательства того, что обратная тенденция, то есть легализация наркотиков может быть эффективной – не только экономически, но и социально. Здесь касались только экономических эффектов, но можно рассмотреть и другие – социальные, этические...

В принципе, возможны два пути. Путь сравнения: как было до либерализации и как стало после. Однако мешает влияние других факторов, например, изменение общей социальной ситуации делает такое сравнение некорректным. Другой путь: сравнение двух стран, в одной из которых была легализация, а в другой не было. Мне кажется, аргументации в пользу либерализации не хватает такого эмпирического обоснования. Чисто социологически мне кажется, что сопоставление «до» и «после» либерализации или, наоборот, ужесточения, сопоставление разных регионов, разных стран, могло бы дать убедительные аргументы в пользу той позиции, которую большинство, по-моему, – здесь, по крайней мере, разделяет.

Петр Мейлахс:

Тут как раз отличие от естественных наук, где можно проводить эксперименты с контрольной группой, поскольку все остальные параметры остаются неизменными. Можно изменить один параметр, посмотреть, что произошло, и сделать вывод об эффективности и причинно-следственных связях. Но тут как раз, как я показал на примере с Голландией, это невозможно, потому что каждый раз изменяется столько параметров, изменяется какой-то общий климат в стране. Как я сказал про Голландию - потребление наркотиков упало, несмотря на легализацию, но ушла эпоха хиппи. Так что эффективность таких экспериментов у меня вызывает сомнение вообще, потому что каждый раз мы можем сравнивать разные страны, эти страны различаются по другим параметрам. За время нашего сравнения тоже меняется масса других параметров. Поэтому эксперимент будет настолько нечистым, «грязным», что мне не представляется возможным делать какие-то серьезные выводы на его основе. Это мое личное мнение.

Владимир Теплицкий:

Здесь очень много переменных. Все зависит от критериев. В Китае побороли наркотики, потому что там был один критерий – побороли наркотики. Когда появляется еще один критерий, задача становится не решаемой, потому что сразу возникают субъективные факторы. То есть факторы, которые решающий привносит в решаемую задачу. То есть в принципе нельзя вычислить какую-то правильную стратегию, можно субъективно выбрать правильную стратегию. Надо назвать ее правильно.

Алексей Сырцев: [сильный шум в зале]

Неизбежно применение комплексного подхода. При этом необходим экономический анализ, психиатрический анализ, медицинский, социологический анализ. Они сами по себе дают массу интересных фактов, массу интересной информации. Но на их основании делать выводы принципиально невозможно.

Теплицкий:

Чтобы подойти рационально к решению этого вопроса, надо перейти от ведомственной борьбы к составлению программы путем коллективного обсуждения. Да, это будет коллективное решение, но оно будет более взвешенное, а не учитывающее интересы только одной структуры, как сейчас. Существующие сейчас программы вообще непонятно на чем основаны.

Дмитрий Травин:

Сообщение Андрея я прослушал с большим интересом, но чисто в научно-познавательном плане, потому что, что бы не было сказано даже в самых авторитетных аудиториях, никакие экономические выводы никакого воздействия на проблему не окажут. Я прихожу к такому выводу, потому что у меня есть опыт изучения динамики этатизма и либерализма в европейской истории на протяжении XVIII-XX веков, Андрей [Заостровцев] и Маша [Мацкевич] знакомы с этой книгой [Д.Травин, О.Маргания. Европейская модернизация. – в 2-х тт. М.: АСТ, 2004 - *ред.*]. Я пришел к выводу, что никакие рациональные аргументы никогда ни на что влияния не оказывают. Переход от увлечения либерализмом к увлечению этатизмом и наоборот происходил в какие-то кризисные моменты, когда, с одной стороны, серьезный кризис, экономический и социальный, взламывал спокойствие общества. Люди начинали беспокоиться, суетиться, не понимая, почему стало так плохо, когда вчера было так хорошо. А, с другой стороны, вырастали новые поколения (отцы и дети), отцы были либералами, а дети говорили – а мы будем другими. Или наоборот.

Я подозреваю, что проблема экономического регулирования рынка наркотиков будет решаться в перспективе примерно также. Рациональные аргументы здесь не воздействуют. Через какое-то время, если общество столкнется с каким-то серьезным социальным кризисом, при котором влияние потребления наркотиков будет существенным, возможно в какой-то момент общество пересмотрит свои взгляды. Поэтому боюсь, что роль науки, роль исследователей здесь ничтожно мала, сколько бы мы ни анализировали с разных сторон эту проблему.

Петр Мейлахс:

Не могу не сказать, что я полностью согласен с Дмитрием Травиным. Я читал статью по поводу наркополитики, насколько рациональные аргументы (и по поводу социальной политики вообще) не имеют никакого практического значения для выбора государственной политики. Многие социологи приходят к таким печальным выводам, что наши знания не оказывают никакого воздействия.

Но по поводу наркотиков могу сказать, что новые поколения гораздо ближе знакомы с самими наркотиками. Если поколение родителей судит о наркотиках только по сообщениям СМИ и неких государственных институций и вырабатывает свои взгляды не на основе рациональных аргументов, а на основе предубежденности, идеологии и тому подобного, то молодые поколения - например, поколение тридцатилетних, сами употребляют или имеют друзей, которые употребляют ту же марихуану. Если с ними ничего не случается, то запудрить им мозги, что курение марихуаны приведет к употреблению героина, будет гораздо труднее. Мой вывод состоит в том, что через изменение жизненных практик самих новых поколений мы как раз можем быть и придем к какой-то взвешенной политике, поскольку люди будут судить о наркополитике не из сообщений ученых, СМИ и политиков, а на основе опыта их окружения. То есть молодежь будет об этом судить на основе повседневности, а не на основе каких-то рациональных аргументов.

Мария Мацкевич (СИ РАН):

На эту реплику уже я не могу не отреагировать. Если исходить из этой логики, то кардинальные изменения должны были произойти в Соединенных Штатах. Там, судя по их данным (они начали свои исследования в 1975 году), в 1980 году был пик – 65% молодых людей, хотя бы раз в жизни пробовавших наркотики. На тот момент им было 15-16 лет, и легко подсчитать, что эти люди сейчас самые активные избиратели, активные участники политической деятельности. Какие изменения произошли в политике Соединенных Штатов по отношению к наркотикам? Мы видим, что в этом смысле скорее противоположная тенденция: все больше и больше ужесточение. Иначе говоря, если эта логика и работает, то не буквальным образом. То есть надежда на рациональность и с этой стороны не очень обоснованна.

На мой взгляд, если что-то и произойдет, то за счет других факторов. Есть естественные пределы, например, финансового воздействия. Например, в середине декабря [2005 г.] в Боливии будут выборы президента. Один из кандидатов, который, по всем данным, имеет наибольшие шансы на победу, выступает за легализацию производства коки. До сих пор там легально на одной десятой гектара каждый крестьянин имеет право производить коку якобы для своих нужд (чай, жевание и тому подобное). Понятно, куда все это на самом деле идет, но тут выдвигают лозунг полной легализации. То есть может появиться страна, в которой производство полностью легально. Что остается делать в этой ситуации Соединенным Штатам? Не понятно. То ли поступить, как с Норвегией, что не очень реально, потому что объектов воздействия и так слишком много... То ли это допустить...

А ведь вполне возможно, что пойдет цепная реакция. Иначе говоря, может возникнуть ситуация, требующая какой-то реакции. Рано или поздно такое будет возникать, и, возможно, таких ситуаций будет множество. Как пойдет дело, что будет предприниматься – непонятно.

Но надеяться на какие-то рациональные рычаги... Вопрос настолько политизирован, что даже в этой аудитории нам трудно выработать единую точку зрения.

Травин:

Когда мы говорим об американцах, то выясняется, что опыт потребления наркотиков, если говорить о поколении 1968 года, это довольно сильно локализованный опыт: в крупных городах, университетских центрах и так далее. Сейчас Америка Буша – это по сути Америка провинций и мелких городов, которые на выборах пока побеждают. То есть, в принципе, можно предположить, что какие-то рациональные сдвиги, о которых Петр [Мейлахс] говорил, происходят. Те, кто сами прошли через потребление наркотиков, сегодня действительно находятся в возрасте управления страной, но они не доминируют. Может быть, в этот смысле опыт Соединенных Штатов не очень показателен, потому что сегодня у них поколение тридцатилетних, о котором вы говорите, имеет более широкие масштабы распространения опыта пробы наркотиков, чем в 60-е годы. Происходит урбанизация, увеличиваются города, появился Интернет, глобализация, проникновение происходит более сильное. Когда одни в 60-е годы потребляли наркотики где-нибудь в Беркли, другие, в соседней Аризоне, вообще не знали, что это такое. Теперь такого нет, поэтому, может быть, на очередном витке смены поколений произойдет то, о чем вы говорили.

Мацкевич:

Хотелось бы верить, хотя там немножко другие закономерности. Есть очень большой фактор моды, культурной моды, есть моды на определенные виды наркотиков. Все это колеблется, идет как бы волнами. Вполне возможно, что за всем этим стоят какие-то естественные, физические закономерности, потому что, достигая определенного

уровня, дальнейшие колебания происходят вокруг этого уровня: нет сильных отклонений ни вверх, ни вниз. Чем это объяснить? Причем в разных странах этот уровень достаточно своеобразен, но в какой-то мере он стабилен. В Европе он один, этот уровень, в Америке – другой, в Скандинавии – третий. Во многом это культурно обусловлено.

Травин: По пробам тоже не растет?

Мацкевич: Число попробовавших тоже не растет. Более того, это параллельные процессы. Теоретически можно было бы предположить, что, с одной стороны, может идти рост пробовавших, но снижение роста регулярных потребителей. Теоретически такая ситуация возможна (какие-то разумные меры воздействия и прочее). Как ни странно, рост происходит все время параллельно. Единственное, что меняется, это соотношение пробовавших регулярных потребителей. Оно может быть как два к одному, а может быть как три к одному. Пробовавших больше, чем регулярных потребителей. Но процессы параллельны.

Сырцев: И между этими процессами связи нет?

Мацкевич: Речь не об этом. «Параллельные» не означает «независимые друг от друга». Просто это однонаправленные тенденции: растет количество пробовавших – растет количество регулярных, снижается количество пробовавших – снижается количество регулярных.

Мария Александровна Стрежанская («Азария»):

Хочу обратить внимание на то, что алкоголь – это тоже наркотик. Сравните алкоголь и то, что у нас в России сейчас происходит, с теми процессами. У нас тоже были «сухие» законы, сейчас у нас полнейшая легализация. Я не знаю цифр по алкоголю, но всем известно, что сейчас у нас деревни пустые, все мужики пьют.

Мейлахс:

Это было еще при советской власти...

Извините, хочу продолжить полемику с Машей. Когда мы говорим о законодательстве, то ясно, что это дело сложное. Человек, который попробовал марихуану, голосует за Буша не на основании наркополитики. Он выбирает президента на основании ряда других причин. Безусловно, для людей, которые сами попробовали наркотики, и даже, может быть, придерживаются либеральных взглядов, возможно для них политика, например, в Ираке или экономический либерализм оказываются важнее. И они голосуют за того президента, который их устраивает по другим, более важным показателям. Они оставляют в стороне те вопросы, которые для них являются второстепенными, ту же наркополитику. Поэтому мы можем наблюдать такие тенденции, когда люди, вполне либерально относящиеся к наркотикам, будут голосовать за президента, экономическая и внешняя политика которого их устраивает. Для них это важнее и они будут за такого президента голосовать, мирясь с тем, что его наркополитика их не устраивает.

Мацкевич:

Вообще-то, есть какая-то зависимость. Взгляды все же логически между собой сопрягаются. С другой стороны, в Америке есть партии демократов, у которых либеральное отношение к гомосексуализму или к абортам. Но нет ни одной партии, в том числе и демократическая партия, в программе которой была бы более либеральная наркополитика.

Заостровцев:

Либертарианцы. Они занимают 3-4 место на выборах. Просто только две заметны – республиканцы и демократы, остальные более мелкие, но у них был крупнейший успех один раз – третье место, даже был один представитель в конгрессе.

Мацкевич:

Но разрыв очень большой. Если у одной крупной партии около 50 процентов и у другой примерно столько же, то на третью остается около 3 процентов.

Травин:

Коммунисты сейчас радуются, что заняли второе место на выборах в Мосгордуму. У «Единой России» 28 мест, у них - четыре.

Заключительное слово докладчика:

Я хотел бы сказать о том, в каком ключе был мой доклад. На 99 процентов - в позитивистском: «так есть». Не «что делать?» Ленина и Чернышевского, а «как есть». Что, с точки зрения экономистов, здесь является негативным? Причем концентрация была на «внешние эффекты» и так далее.

Естественно, в разных странах разный уровень потребления, разная острота проблемы, связанная с целым рядом различий между странами – социальными, политическими, культурными и так далее. В Северных странах нет такой острой проблемы, поэтому у них вопрос легализации не ставится, поскольку у них нет такого распространенного потребления. У них эта проблема не велика.

Теперь по некоторым пунктам – «семь видов наркобизнеса». Когда я просматривал литературу, то правоохранный аспект, конечно же, присутствует и в самих Соединенных Штатах. Здесь говорили о том, кто лоббирует запрет. Естественно, многие правоохранные органы, которые даже в Соединенных Штатах получают определенную свободу действий под предлогом борьбы с наркотиками. Например, американцы возмущаются, что можно остановить и обыскать машину на дороге. Для нас это вообще ничто, а их это возмущает. А как бороться иначе? Наркотик – это такое мелкое вещество, если с ним бороться, то идут массовые нарушения прав человека. Осложняется вообще судьба бизнеса. Законодательство об «отмыве» денег вообще усложняет денежные транзакции. Но такова борьба с наркотиками.

Тут было упомянуто, что в той или иной степени все сферы борьбы с наркотиками имеют свои интересы. Мне это понравилось. Я бы выделил одну сферу – это совершенно легальная медицина, которая не имеет прямого отношения к наркотикам, но которая «сажает» на наркотики. Проблема инсулина – типичное поведение такого «отвязанного», «отмороженного», как сказали бы на нашем жаргоне - наркодилера от официальной медицины. Онкология знает много таких примеров и так далее. В Соединенных Штатах эта проблема решается отчасти через страховые компании – система сдержек и противовесов. Страховая компания имеет свой штат специалистов, у которых задача противостоять этим явлениям. В России они, естественно, не имеют противовеса.

Я согласен с выводом Дмитрия Травина, что реальная практика никогда не будет следовать выводам экономистов - нигде, не только в этой области. Она определяется положением групп интересов и тем, что мы сегодня называем менталитетом. В обществе экономисты иногда пользуются термином «конституционный договор», «неявный договор» и так далее. В принципе, задача экономиста сказать: если вы будете делать так-то, то последствие будет такое-то, а вы - политики и общество в целом – выбирайте. То есть каких-то ленинских задач современные экономисты не ставят и не видят. На этом я закончу. Спасибо за внимание.